

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Общинный дух

«Ваякгель»

Что вам делать, когда ваш народ только что изготовил золотого тельца, взбунтовался и растерял какие бы то ни было духовно-этические ориентиры? Как вы будете восстанавливать нравственный порядок — не только тогда, в дни Моше, но и в наше время?

Ответ содержится в первом слове нашей недельной главы — «Ваякгель». Но чтобы его понять, придется пройти маршрутами двух путешествий, которые стали чуть ли не самыми судьбоносными для современного мира.

Эта история начинается в 1831 году, когда два молодых человека (обоим было по двадцать лет с хвостиком, один был из Англии, другой — из Франции) отправились в путешествие, навстречу открытиям, и это путешествие изменило сначала их самих, а в конце концов и наше понимание устройства мира. Англичанина звали Чарльз Дарвин. Француза — Алексис де Токвиль. Плавание Дарвина на «Бигле» привело его на Галапагосские острова, где он задумался о происхождении и эволюции видов. Токвиль отправился в путь, чтобы исследовать явление, которое позднее упомянул в заглавии своей книги, — а назвал он ее «Демократия в Америке».

Хотя эти два человека изучали совершенно разные вещи: один — зоологию и биологию, другой — политику и социологию, оба, как мы увидим ниже, пришли к поразительно похожим выводам, а фактически к тому же выводу, который Б-г разъяснил Моше после эпизода с золотым тельцом.

Дарвин, как известно, сделал ряд открытий, которые вылились в создание теории естественного отбора. Биологические виды конкурируют за скудные ресурсы, и выживают только наиболее приспособленные. То же самое, полагал он, верно и в отношении людей. Но это ставило перед ним серьезную проблему.

Если эволюция представляет собой борьбу за выживание, если сильные побеждают, а слабые терпят неудачу, то повсеместно должна господствовать безжалостность. Но это не так. Все общества ценят альтруизм. Люди ценят тех, кто чем-то жертвует ради других. В категориях дарвинизма это выглядит абсолютно нелогичным, и Дарвин это понял.

Самые храбрые люди, наиболее склонные к самопожертвованию, писал он в «Происхождении человека», «в среднем погибали бы чаще, чем другие люди». Благородный человек «часто не

оставлял потомства, которое унаследовало бы его благородную натуру». Кажется почти невозможным, писал он, что добродетельность «могла бы окрепнуть путем естественного отбора — то есть выживания наиболее приспособленных»¹.

Поскольку Дарвин был великим ученым, он нашел ответ, хотя разгадка противоречила основному тезису. Естественный отбор работает на уровне индивидов. В качестве индивидов, конкретных мужчин и женщин, мы передаем свои гены следующему поколению. Но цивилизация работает на уровне группы.

Дарвин сформулировал это так: «Племя, где имелось много членов, которые, обладая высокоразвитым духом патриотизма, верности, послушания, храбрости и сочувствия, всегда были готовы помогать друг другу и жертвовать собой ради общего блага, — такое племя одерживало бы победы над большинством других племен; и таков был бы естественный отбор». Вопрос о том, как перейти от индивида к группе, писал Дарвин, «в настоящее время слишком труден, чтобы отыскать решение»².

Вывод был очевиден, хотя о механизмах, связанных с этим, биологи спорят донныне³. Мы выживаем группами. Один человек против одного льва: победа останется за львом. Десять человек против одного льва: лев, возможно, потерпит поражение. В том, что касается силы и проворства, хомо сапиенс — слабый игрок по сравнению с суперзвездами царства животных. Но когда нужно формировать и сохранять группы, люди обладают уникальными умениями. У нас есть язык. Мы можем общаться. У нас есть культура. Мы можем передавать свои открытия следующим поколениям. Люди формируют более многочисленные и гибкие группы, чем любой другой биологический вид, в то же время оставляя простор для индивидуальности. Мы не муравьи в муравейнике и не пчелы в улье. Человек — это животное, формирующее сообщества.

Тем временем в Америке Алексис де Токвиль, как и Дарвин, столкнулся с интеллектуальной проблемой, которую жаждал решить. Для него как для француза сложность была в том, чтобы попробовать постичь роль религии в демократической Америке.

Он знал, что в США когда-то проголосовали за разграничение религии и государственной власти, приняв Первую поправку к Конституции — положение об отделении религии от государства. Итак, в Америке религия не имела никакой власти. Де Токвиль предположил, что она не имела и влияния. А обнаружил, что все наоборот: «На свете нет ни одной страны, где христианская религия сохраняла бы более сильное влияние на людские души, чем в Америке»⁴.

Это показалось ему совершенно алогичным, и он обратился за разъяснениями к американцам. Все американцы давали ему, в сущности, один и тот же ответ. В Америке религия (не забывайте, что мы говорим о начале 1830-х годов) не вмешивается в политику. Но почему бы ей не вмешаться? — спрашивал он у представителей духовенства. И те вновь отвечали единодушно. Политика разобщает людей. Следовательно, если бы религия вмешалась в политику, она тоже стала бы разобщать людей. Поэтому религия сторонится вопросов партийной политики.

Де Токвиль внимательно изучил, какие функции религия на самом деле выполняет в Америке, и пришел к интереснейшим выводам. Религия укрепляла брак, а де Токвиль полагал, что крепкий брак чрезвычайно важен для свободного общества. Он написал: «Пока теплится чувство семьи, борец с угнетением никогда не будет одинок»⁵.

Религия также побуждала людей создавать общины вокруг культовых сооружений. Она поощряла членов этих общин к совместной деятельности ради общего блага. В демократической

¹ Charles Darwin. *The Descent of Man*. Princeton University Press, 1981. P. 158–84.

² Ibid. P. 166.

³ Это спор между Э. О. Уилсоном и Р. Докинзом. См.: Edward O. Wilson. *The Social Conquest of Earth*. New York: Liveright, 2012; а также рецензию Р. Докинза: Richard Dawkins. *The Descent of Edward Wilson* // *Prospect Magazine*, May 24, 2012.

⁴ Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*. Abridged with an introduction by Thomas Bender. New York: Modern Library, 1981. P. 182.

⁵ Ibid. P. 314.

стране, писал де Токвиль, велика угроза со стороны индивидуализма. Люди начинают заботиться о себе, а не о других. Если же говорить о других, то есть риск, что народ переложит заботы об их благополучии на правительство, а этот процесс завершается утратой свободы, поскольку государство все в большей и большей степени берет на себя ответственность за общество целиком.

От этих двух опасностей американцев защищает тот факт, писал де Токвиль, что они, движимые своими религиозными убеждениями, создают ассоциации, благотворительные общества, добровольные ассоциации — то, что у нас в иудаизме называется «хеврот». Де Токвиль вначале удивленно, а затем очарованно подмечал, как быстро американцы создавали группы на местах для решения проблем, возникавших в их жизни. Он назвал это «искусством основывать ассоциации» и заметил, что это «курс обучения свободе».

Все это было противоположностью Франции, где религия в форме католической церкви имела много власти, но мало влияния. Во Франции, писал он, «я почти всегда наблюдал, что дух религии и дух свободы маршируют в противоположные стороны. Но в Америке я обнаружил, что они тесно объединены и сообща правят одной страной»⁶.

Итак, религия была гарантией «привычек сердца», которые неотъемлемо важны для сохранения демократической свободы. Она освящала супружество и домашний очаг. Она стояла на страже общественной нравственности. Она побуждала людей к совместной деятельности на местах, направленной на то, чтобы решать проблемы самим, а не перекладывать это на правительство. Если Дарвин открыл, что человек — животное, создающее сообщества, то де Токвиль обнаружил, что в Америке религия — институт, строящий сообщества.

И таким институтом она остается донныне. В 1990-х годах социолог Роберт Патнэм прославился, обнаружив, что рекордно большое число американцев ходит играть в боулинг, но число тех, кто вступает в клубы и лиги боулинга, уменьшилось. Он счел, что это метафорически описывает общество, которое стало скорее индивидуалистическим, чем общинным по своему духу. Этому явлению Патнэм дал название «боулинг поодиночке»⁷. Это выражение лаконично описывало утрату «социального капитала», то есть разветвленных сетей социальных связей, посредством которых люди друг другу помогают.

С годами, после широких исследований, Патнэм пересмотрел свой тезис. Мощный запас социального капитала все еще существует, и найти его можно в культовых сооружениях. Данные соцпросов показали, что люди, часто бывающие в церкви или синагоге, чаще жертвуют деньги на благотворительность, причем неважно, является благотворительная организация религиозной или секулярной. Также они чаще занимаются волонтерской работой в благотворительных организациях, дают деньги бездомным, проводят время с человеком, впавшим в уныние, уступают мест в транспорте или где-либо еще незнакомым людям или помогают кому-то найти работу. Почти по всем критериям они альтруистичнее, чем те, кто не бывает на каких-либо богослужениях.

Этим их альтруизм далеко не исчерпывается. Те, кто часто бывает на богослужениях, еще и намного активнее в том, что касается гражданской позиции. Среди них больше членов общинных организаций, объединений соседей и общественных объединений, а также профессионально-отраслевых ассоциаций. Они втягиваются в работу, ходят на собрания и ведут других за собой. Разница между ними и более секулярными людьми огромна.

В том, что касается отношения к миру, религиозность, измеряемая частотой посещения церкви или синагоги, — индикатор, наилучшим образом предсказывающий альтруизм и эмпатию:

---

⁶ Ibid. P. 185.

⁷ Robert D. Putnam. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000. — *Примеч. авт.* В русскоязычных источниках можно встретить такой перевод названия: «Затворничество: падение и взлет американского общества». — *Примеч. перев.*

предсказывающий лучше, чем такие признаки, как уровень образования, возраст, имущественное положение, половая или расовая принадлежность. Возможно, самый интересный вывод Патнэма гласит, что эти качества связаны не с религиозными убеждениями человека, а с тем, как часто он посещает культовые сооружения⁸.

Религия порождает общину, община — альтруизм, а альтруизм заставляет нас повернуться спиной к нашему «эго» и ориентироваться на общее благо. Патнэм заходит далеко: по его теоретическому предположению, атеисты, регулярно посещающие синагогу (возможно, за компанию с мужем или женой), чаще будут заниматься волонтерской деятельностью или жертвовать на благотворительность, чем верующие, которые молятся в одиночку. У взаимоотношений в общине есть какое-то особое свойство, благодаря которому они лучше всего учат гражданственности и добрососедству.

То, что должен был сделать Моше после истории с золотым тельцом, описывается словом «ваягель»: он должен был превратить сынов Израиля в кеилу, общину. Он сделал это в самом очевидном смысле, восстановив порядок. Когда Моше спустился с горы и увидел тельца, народ, как сказано в Торе, был в состоянии «перуа» — это слово значит «дикий, необузданный, хаотичный, непослушный, буйный». Моше «увидел, что народ развращен, что Аарон распустил его — врагам на посмешище» (Шмот, 32:25). Народ был не общиной, а толпой.

Моше сделал это и в более основательном смысле, как мы видим в остальной части нашей недельной главы. Для начала он напомнил народу о законах шабата. А затем проинструктировал их, как построить Мишкан — Святилище, в качестве символического дома для Б-га.

Почему он отдал именно эти два приказания, а не какие-то другие? Потому что шабат и Мишкан — два самых действенных способа создания общины. Лучший способ превратить разношерстную, недружную группу в команду — организовать, чтобы эти люди построили что-то сообща⁹. Для этого и понадобился Мишкан. Лучший способ укрепить отношения — специально посвящать этим усилиям время: временной промежуток, когда мы сосредоточены не на погоне за личными, своекорыстными интересами, а на том, что у нас общего; с этой целью мы вместе молимся, вместе изучаем Тору и вместе празднуем: иными словами, это шабат. Шабат и Мишкан — два вида важного опыта по строительству общины, полученные сынами Израиля в пустыне.

Более того, в иудаизме община — неотъемлемая часть духовной жизни. Для самых священных наших молитв требуется миньян. Когда мы празднуем или скорбим, то празднуем или скорбим всей общиной. Даже исповедуемся мы вместе. Маймонид постановил:

«Отступающий от общины»: пусть он и не совершал преступлений, но он отделился от общины Израиля, не выполняет вместе с ней заповеди и не соучаствует в ее бедах, не постится, когда она постится, а идет своей дорогой, как будто принадлежит к другому народу, как будто он не из нее, — нет ему доли в Мире грядущем»¹⁰.

Под таким углом на религию смотрели не всегда. Плотин называл религиозные искания «полетом тех, кто один, к Одному»¹¹. Э. Н. Уайтхед сказал: религия — то, как индивид распоряжается своим одиночеством¹². Жан-Поль Сартр обронил печально известную фразу: «Ад — это другие». В иудаизме мы предстаем перед Б-гом именно *общиной*. Для нас ключевыми являются взаимоотношения не «я — Ты», а «мы — Ты».

⁸ Robert D. Putnam and David E. Campbell. *American Grace: How Religion Divides and Unites Us*. New York: Simon & Schuster, 2010.

⁹ См.: Jonathan Sacks. *The Home We Build Together*. Continuum, 2007.

¹⁰ Рабби Моше бен Маймон. Законы раскаяния 3:11. — *Примеч. авт.* В русском издании см.: Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 625. — *Примеч. перев.*

¹¹ Andrew Louth, trans. *The Origins of the Christian Mystical Tradition from Plato to Denys*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 50.

¹² A. N. Whitehead. *Religion In the Making*. New York: MacMillan, 1926. P. 16.

Итак, глава «Ваякгель» — далеко не рядовой эпизод истории Израиля. Он знаменует важнейшее прозрение, к которому привел кризис, разразившийся из-за золотого тельца. В общине мы находим Б-га. В общине мы развиваем в себе добродетельность, силу характера и приверженность заботам об общем благе. Община — это нечто местного масштаба. Это общество с человеческим лицом. Община — не то, что правительство. Община — не те люди, которым мы платим зарплату за попечение о благоденствии других. Община — работа, которую мы выполняем сами, совместно.

Община — противоядие от индивидуализма, с одной стороны, и склонности чрезмерно полагаться на государство — с другой. Дарвин понял, как важна община для расцвета человечества. Де Токвиль увидел, какую роль она играет для защиты демократических свобод. Роберт Патнэм подтвердил фактами ее ценность для сбережения социального капитала и общего блага. А начало было положено в нашей недельной главе, когда Моше превратил буйную толпу в кеилу — общину.